

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА

Иосиф РАБИНОВИЧ

КРЫМСКИЕ ЯБЛОЧКИ

До чего же удобны эти современные джипы — подножка высокая, вылезая не надо задирать ноги, задирать-то больно, и вообще, когда тебе восьмой десяток многое больно и не под силу. Нет, надо гнать от себя грустные мысли, тем более друзья везут меня по местам юности по южному берегу Крыма, навстречу воспоминаниям о том времени, когда ничего не болело, и всё было по силам. Мы едем из Севастополя, проезжаем чудесное местечко Батилиман. Когда я был тут впервые? Что? Неужели сорок лет назад? Да, да Игорь Борисович и нечего жаловаться, что болит где-то, у многих твоих ровесников уже ничего и никогда не заболит. А ты вот сидишь на веранде грузинского ресторанчика и ешь фирменные чебуреки и никогда раньше не пробованные жаренные телячьи яйца на виноградных листьях. Эту экзотику решил попробовать только я один из всей компании. Привычка с молодости: если читал про блюдо и вдруг возникла возможность попробовать — не могу удержаться. А вот половина моя поглядывает на меня с ужасом — уж она-то

традиционалист до мозга костей. И вот джип несёт нас по новой крымской дороге к Ялте. И память начинает раскручивать ленту событий. Едем с женой в Ялту — как тогда.

Шумный заплёванный перрон Курского — последние дни апреля 69-го. Конечно, никаких билетов на юга нет, да и не нужно — у меня солидный опыт поездок в командировки с проводниками, обещал жене, что довезу в Крым в лучшем виде. Знаю, что договариваться нужно с проводниками купейных вагонов — идём вдоль поезда «Москва-Севастополь» — я с рюкзаком, жена со складным чемоданчиком. Вот у купейного стоит проводник со следами недавней пьянки на лице.

— До Симферополя возьмёшь двоих?

— По пятнашке, заходите, садитесь в коридоре, тронемся, посажу.

Садимся в обшарпанном коридоре ждём. Тронулись, проводник нас завёл в купе... Боже мой — и без нас там полдюжины народу, узнаём, что в пиковые дни старый купейный подали под общий вагон. Теперь бы расстроился до чёртиков, а тогда... Как же здорово, когда тебе тридцатник, есть любимая работа и любимая и красивая жена и вы оба едете к морю с ластами, масками и прочим подводным барахлом, без которого вам обоим море не море. И вообще сам чёрт не брат — общий вагон, так общий. В купе четыре полки — нас восемь, то есть по полке на пару, а впереди ночь, но это впереди. Знакомимся со спутниками: четверо совсем молодых, студенты, две парочки и две дамы чуть постарше нас, одна едет по путёвке профкомовской, другая на свидание с мужем-рыбаком. Он пришёл с морей, но отпуск не дают, десять дней в Севастополе и снова ловить рыбку для родины. Только и остаётся, что десяток горячих ночей в занюханном номере Дома межрейсового отдыха моряков. Да жена моряка непростая профессия, не каждой под силу. А моя половина, которой никуда спешить не надо, уже распаковывает чемодан, достаёт провизию — молодняк предложил накрыть общий посолок. Конечно, у них с собой было, да и у нас тоже. Выпили, закусили, парнишка достал гитару и спел кое-что из Высоцкого, он только ещё набирал в те годы популярность. Скажи мне тогда,

что через сорок лет у меня на полке будут стоять книжки Владимира Семёновича, я бы ни за что не поверил, и не, потому что не считал его поэзию слабой, а просто не думал, что СССР кончится на моём веку.

Посошок наш закончился за полночь. Мы с ребятами вышли покурить, дамы переоделись, чтоб как-то скоротать ночь. Коротали трудно — молодёжь набилась на верхние полки, мы с женой валетом на нижней, а парочка женщин тоже теснились внизу вместе.

Помятые и невыспавшиеся вывалились мы с молодёжью в Симферополе, оставив дам приводить себя в порядок. Троллейбус доставил нас в Ялту. Там предстояла встреча у главпочтамта с моим приятелем и сослуживцем Лёнькой Плотниковым. Он с двумя дамами, одна из которых была его новой подружкой, должен был ждать там нас в полдень. Но наш поезд был дополнительный и тащился долго, у почтамта мы оказались только в третьем часу. Лёньки не было, не было и письма «Южинскому до востребования». Мобильных телефонов тогда и в Америке ещё не было. Я быстро написал своё письмо «Буду ждать вас в 20.00 сегодня и в 11.00 завтра» и попытался его сдать прямо в окошко «до востребования». И получил отлуп — письмо должно было пройти всё как положено и в окошке появилось бы только завтра во второй половине дня. Тут я понял, почему нет Лёнькиного письма мне. Пришлось выцыганить у запасливой супруги плитку хорошего шоколада и приложить к письму. С шоколадкой всё прошло — письмо проштемпелевали и положили к другим.

И вот наш отдых начался, с чемоданом и рюкзаком идём в ресторанчик на набережной. Что ели не помню, точно, что не телячьи яйца. Во время обеда к нам под села дамочка вторых средних лет, извинилась и представилась помощником режиссёра.

— Видите, мы снимаем кино на Ялтинской киностудии, я хочу предложить вам роль старого негра в фильме. И, притом, не в массовке, а в эпизоде, там оплата существенно больше.

— Я, конечно, смуглый, но не до такой же степени...

— Ну, за этим дело не станет, вас загримируют.

— Да не в этом дело — мы с женой только приехали и не

можем пока найти своих друзей и ещё не знаем, будем жить в Ялте или нет.

— Устраивайтесь и, если надумаете, позвоните мне, вы то, что нам надо, — и она протянула визитку с фамилией и телефонами киностудии.

Визитки тогда ещё были у нас в редкость, и я долго хранил её, как свидетельство нереализованной возможности стать кинозвездой.

Пообедав, мы уговорили официантку оставить наш багаж, пообещав прийти ужинать у неё и отправились к морю окунуться. Там нас, вернее мою половину ждал неприятный сюрприз, плавать она любит, и мастерица, а вот холода не переносит. Чёрное море встретило нас одиннадцатиградусной водичкой, пришёл так называемый одессит и пригнал холодную воду, поэтому окунался я в гордом одиночестве и недолго, в такой воде не покайфуешь.

Погоулявши по Ялте, мы вернулись в ресторан и поужинали — гулять, так гулять, и, прихватив вещи, двинулись к почте. Результат тот же: Лёньки нет, письма от него нет и моё письмо на месте. Вот тут перед нами встал вопрос ночлега — беспечной молодости свойственна бесшабашность и никаких планов по ночлегу у нас не было. Сунулись в пару гостиниц, больше для порядка, в те времена табличка «Мест нет» едва не из мрамора на стене была в крымских отелях, и не только в крымских. Решил посоветоваться с таксистом, что стоял у гостиницы.

— Командир, где можно нам с женой ночку скоротать, не подскажешь?

— Садитесь, сейчас что-нибудь придумаем.

Мы загрузились, и таксист помчал нас по ялтинским улочкам. Два места, в которые сунулся таксист, оказались забитыми под завязку, тогда он предложил:

— Есть у меня одно местечко, правда на горе и без особого шика, как поедем?

— Давай, нельзя же вторую ночь не спать, вези в гору.

Встретила нас крашенная блондинка нашего возраста с сигаретой в зубах. Водила что-то сказал ей, она кивнула, и он удалился, получив деньги. Хозяйка огласила цену, вполне приемлемую, я кивнул, расплатился и нас привели в комнату. Комнатка была на втором этаже, по дверям я понял, что одна из четырёх. Когда дамочка вышла,

мы огляделись — помещение явно было неприглядное, какое-то несвежее и обшарпанное. Половина моя откинула покрывало и одеяло полуторной кровати и брезгливо поморщилась:

— По-моему бельё несвежее и, ой, гляди, какие-то пятна! Нет, на этом спать нельзя!

— Ну не сидеть же всю ночь на стульях?

— Не знаю, только не на этой гадости, мне кажется это просто притон, куда приводят дешёвых шлюх, потому и сдаётся посуточно.

— Солнце, моё, никто нас с тобой за такую пару не принял, не бойся!

— Я ничего не боюсь, но спать на этом... ну ты и завёз меня в бордель!

— Не дуйся, я завтра устрою тебя в обкомовский номер гостиницы, помнишь, как в позапрошлом, в Севастополе?

— Помню, помню, — ворчала она, доставая из моего рюкзака две пляжных подстилки и полотенца. Со свойственной ей ловкостью она создала тряпочный саркофаг, изолировавший наши тела от бордельной скверны. Мы рухнули на кровать и заснули как убитые.

Проснулся я где-то в девять с небольшим, и тут же начал будить половину, не покрасившись она из дому не выйдет ни за что, а в одиннадцать надо быть у почты. Надежда встретить Лёньку ещё теплилась. И, как оказалось, теплилась не зря. Правда, пришлось тащиться с горы с багажом, но к одиннадцати мы были у почты и уже знакомились с Лёнькиными питерчанками. Всё оказалось просто: вчера они нас не дождались, попытки Лёни оставить мне письмо кончились ничем, как я и предположил, а нынче утром они получили моё послание. Однако вчерашний день друзья потратили с толком — сняли в Гурзуфе у пожилых хозяев первый этаж, две комнаты с террасой. На террасе расположилась подружка Лёнькиной пассии Иры Марина, девушка крупная с низким контральто и толстыми очками на близоруких глазах.

Интересное дело — ещё со школы заметил: красивые девчонки (и когда повзрослеют тоже) выбирают себе в подружки порой такую страхолюдину, что просто оторопь берёт. Зачем? Наверное, чтоб подчеркнуть свою

прелесть и без того очевидную. Правда свою половину обвинить в этом не могу — большинство её подружек вполне симпатичные и привлекательные дамочки.

Дом нам очень понравился — мы прожили в нём восхитительную декаду. Прекрасное вино из хозяйского подвала, походы в знаменитую гурзуфскую чебуречную, переход через гору Аю-Даг, какие чудесные цветы мы обнаружили на вершине, всё это запомнилось надолго. И даже холодное море, в котором могли купаться только мы с Лёньюкой, не испортило нам настроение. Дамы загорали на солнышке и тем были довольны. Под конец мы сообразили прекрасный шашлык — под хозяйское вино он был необычно вкусным, и вообще всё кругом было прекрасно. Хотя, если вдуматься, это был обычный южный пляжный отдых, даже понырять под воду не удалось из-за холодной воды. Просто мы были молоды и уже, поэтому мир был прекрасен. В хорошем настроении уехали мы в Москву, там попрощались с питерчанками.

Лёньюка женился второй раз года через два, в том мае он был разведённым. Женился он не на Иринке, а на аспирантке нашего института. Вскоре мне пришлось сменить место работы и пути наши с Лёней разошлись. Нет, мы не поссорились — просто у каждого была своя жизнь. Мы виделись время от времени и с ним и с его новой женой Лерой. Мы с половиной даже были приглашены на их свадьбу. Пришлось оставить с тётцей двухмесячного сына, а потом срочно на такси отправлять кормящую мать домой.

Господи, когда это было. Тот двухмесячный успел стать двухметровым и жениться три раза...

* * *

Джип уже давно миновал Ялту, вот он Гурзуф. Прошлым летом тут проходил научный семинар по методам математического моделирования. Научный руководитель семинара профессор Леонид Николаевич Плотников читал лекции и участвовал во всех мероприятиях наравне с молодёжью. Личная жизнь сложилась не совсем. Он развёлся и со второй женой, она уехала в Германию, дети, мальчик и девочка уехали с ней. Они уже выросли,

работают там и неплохо устроены, как и Лёнина дочка от первого брака Катя, которая тоже живёт за границей в Париже. Так Леня, в конце концов, в свои семьдесят снова стал одиноким холостяком. На семинаре в Гурзуфе вокруг него вилась стайка молоденьких симпатичных девушек. Говорили всякое, но профессор Плотников скоропостижно скончался в своём номере в Гурзуфе. Был ли кто с ним рядом в этот момент, или он встретил даму с косой один на один, не знаю. Но хочется думать, что Лёнька умер как настоящий мужик. И дело не в том, была ли в его номере женщина или нет.